

СИБИРСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ | SIBERIAN
FEDERAL
UNIVERSITY

УТВЕРЖДАЮ

Проректор по учебной работе

ФГАОУ ВО «Сибирский

Федеральный университет»

Денис Сергеевич Гуц

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Сибирский федеральный университет»

660041, Красноярский край,
г. Красноярск, проспект Свободный, д. 79
телефон: (391) 244-82-13, тел./факс: (391) 244-86-25
http://www.sfu-kras.ru, e-mail: office@sfu-kras.ru

ОКПО 02067876; ОГРН 1022402137460
ИНН/КПП 2463011853/246301001

«1» сентября 2024 г.

11.09.2024 № 5394
на № _____ от _____

ОТЗЫВ

ведущей организации на диссертационную работу

Крайновой Надежды Александровны

на тему «Концептуальные основы противодействия преступности в контексте ресоциализации: уголовно-правовое и пенитенциарно-криминологическое исследование», представленную на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки

Актуальность для науки и практики

Развитие общественных отношений в эпоху всеобъемлющей цифровой трансформации выступает одним из актуальных глобальных факторов, оказывающих непосредственное влияние на качественные и количественные характеристики современной преступности. Появление новых и адаптация к современным реалиям ранее известных видов преступного поведения, интенсификация или спад криминальной активности в отдельных сферах жизни общества, видоизменение типичных черт личности преступника с учетом расширения аудитории информационного пространства, возрастание роли жертвы (потерпевшего) в генезисе преступления, ограниченность предупредительного потенциала уголовной репрессии, а также недостаточность

перспективных форм антикриминального воздействия – это и многое другое обуславливает непрерывный поиск научно-обоснованных и возможных к реализации на практике механизмов модернизации и оптимизации системы противодействия преступности. В подобных условиях выбранная автором тема диссертации бесспорно представляется актуальной, поскольку рассмотрение ресоциализации в качестве базового элемента методологии противопреступной деятельности позволяет сместить акцент с приоритетного применения репрессии на различные аспекты парадигмы нерепрессивного толка и в конечном итоге обеспечить баланс различных по своей природе способов и средств предупредительного воздействия.

Государственная политика противодействия преступности нового поколения должна быть основана на прочном теоретическом фундаменте, который обладает признаками целостной научной концепции, разработанной с учетом существующей доктрины в области наук криминального цикла, положений действующего законодательства, а также передового опыта зарубежных стран. При этом в качестве ключевой цели противопреступной деятельности следует рассматривать не однонаправленное воздействие на источники криминальной опасности, а обеспечение комплексной безопасности личности, общества и государства как объектов антикриминальной охраны. Данное диссертационное исследование вносит существенный вклад в решение обозначенной проблемы.

О перспективности результатов проведенного исследования также свидетельствует поступательное формирование в Российской Федерации нормативно-правовой основы по вопросам исправления и реинтеграции осужденных в систему социальных отношений. Поэтому разработка новых способов и средств ресоциализации, учитывающих особенности общества постмодерна и постепенно приобретающего черты метамодерна, вне всяких сомнений будет востребована в аспекте прикладной противопреступной деятельности в отношении осужденных и потерпевших. Одним из главных достоинств представленной для подготовки отзыва работы как раз является

проектирование не только концептуальных теоретических основ противодействия преступности в контексте ресоциализации, но и внесение научно аргументированных предложений по изменению законодательства в рассматриваемой сфере.

С учетом указанных выше предпосылок, которые автор диссертации емко формулирует как «несоответствие между традиционными моделями и стратегиями противодействия преступности и объективными потребностями информационного общества и государства в ресоциализации человека», определяется теоретико-прикладная востребованность научного изыскания, направленного на поиск и разработку «новой модели противодействия преступности в контексте ресоциализации, обоснование ее практической реализации в уголовно-правовых, пенитенциарно-криминологических и иных отношениях» (стр. 10–11). Ознакомление с содержанием рецензируемого труда сквозь призму заявленной проблематики исследования, а также его целей и задач позволяет сделать вывод о том, что диссертантом проделана внушительная научная работа, результаты которой увенчались успехом.

Исследование в полной мере соответствует паспорту научной специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки. Содержание объекта и предмета аккумулирует в себе закономерности существования и развития преступности и противопреступной деятельности в аспекте ресоциализации на основе совокупности криминологических, уголовно-правовых, уголовно-процессуальных и пенитенциарных отношений, а также с учетом их ретроспективного и современного состояния.

Новизна основных научных результатов и их значимость для науки и производства

Диссертационное исследование, проведенное Н. А. Крайновой, отличаются очевидная научная новизна и нетривиальный взгляд на актуальные проблемы организации и оптимизации противодействия преступности. Среди основных научных результатов, лично полученных автором, особо выделяются положения,

существенно расширяющие традиционные представления о предупредительном потенциале ресоциализации, которая, с точки зрения диссертанта, может рассматриваться в качестве полноценной методологической основы противопреступной деятельности в условиях информационного общества и наблюдаемых в последние годы всеобъемлющих процессов цифровой трансформации.

Примат ресоциализации над иными компонентами методологии противопреступной деятельности последовательно обосновывается автором на протяжении всей рецензируемой работы, структура и содержание которой добротнo проработаны и в полной мере соответствуют целям и задачам проведенного исследования. Об исчерпывающей аргументации значимости, научной новизны и самостоятельности криминологической теории противопреступной социализации (ресоциализации), предложенной Н. А. Крайновой, свидетельствуют следующие научные результаты, полученные и апробированные автором в период подготовки рассматриваемой диссертации:

1. Разработаны концептуальные основы криминологической теории противопреступной социализации (ресоциализации), сформулированы ее понятие, объект и предмет.

2. Установлены понятийные координаты основных категориальных единиц в рамках рассматриваемой теории, определено их содержательное наполнение и соотношение со смежной научной и практической терминологией.

3. Предложена модель организации противопреступной деятельности, учитывающая ресоциализирующий потенциал информационного общества.

4. Обоснована востребованность дифференцированного подхода к использованию правотворческого и правоприменительного опыта в сфере ресоциализации, изученного в ходе ретроспективного анализа развития данного института в России.

5. Представлена авторская типологизация личности преступника на основе характера и степени его десоциализации.

6. Рассчитан перспективный прогноз изменения социально-демографических характеристик личности преступника с определением ресоциализационного потенциала каждого индикатора, основанный на подробном анализе данных статистики за длительный период времени.

7. Обоснована необходимость персонификации ресоциализационного воздействия на осужденных в период исполнения наказания на основе программного подхода к формированию личности.

8. Установлена диалектическая взаимосвязь ресоциализационного воздействия на осужденного и потерпевшего в аспекте повышения эффективности противопреступной деятельности.

9. Сформулированы правотворческие инициативы, в том числе полученные путем метода кодификации законодательства, направленные на совершенствование нормативно-правовой основы противопреступной деятельности в контексте ресоциализации.

10. Актуализирована необходимость конкретизации прикладного значения уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера путем определения ресоциализирующей функции уголовно-правового воздействия в содержании УК РФ.

11. Обоснован синергетический потенциал взаимодействия правовой теории мер безопасности и криминологической теории противопреступной социализации (ресоциализации), а также охарактеризованы существующие и предложены новые меры безопасности в целях ресоциализации осужденных и потерпевших.

12. Аргументирована с использованием компаративных методов исследования потребность научно-практического поиска национального пути реализации противопреступной стратегии, основанной на обеспечении баланса между безопасностью общества и необходимостью реинтеграции в него лиц, продемонстрировавших свою социальную опасность.

13. Предложена авторская группировка видов наказания, основанная на характере и степени ресоциализационного потенциала каждого из них, а также

сформулированы перспективные изменения действующей системы уголовно-правовых санкций в целях ее позитивной трансформации.

14. Обоснована необходимость и выдвинуты конкретные предложения по реформированию уголовно-исполнительной системы с учетом положений криминологической теории противопреступной социализации (ресоциализации).

15. Охарактеризован ресоциализационный потенциал постпенитенциарных мер воздействия в отношении лиц, освобожденных от отбывания наказания, а также вынесены на защиту отдельные правотворческие инициативы по формированию и совершенствованию организационно-правовой основы их реализации.

Достоверность полученных результатов подтверждается научным аппаратом проведенного исследования. Заслуживает одобрения методология и методы, грамотно подобранные и примененные диссертантом для достижения поставленной цели и решения сформулированных задач. Следует положительно оценить как теоретическую, так и эмпирическую основу исследования, а также скрупулезность при работе с нормативными правовыми актами прошлого и современности, источниками научной и практической информации об опыте зарубежных стран. На высоком уровне находится апробационный компонент диссертации, который включает в себя не только участие в научно-практических мероприятиях с широкой географией проведения, но и внедрение результатов исследования в практическую деятельность более чем десяти органов и организаций, направление автором законодательных инициатив в федеральные и региональные представительные органы, а также опубликование значительного количества научных трудов и учебных работ в ведущих рецензируемых изданиях.

Значимость результатов исследования для науки заключается в том, что теоретические выводы, сделанные автором, вносят существенный вклад в комплекс наук криминального цикла, наполняя их новыми знаниями о противодействии преступности в контексте ресоциализации с учетом изменяющихся условий развития информационного общества. Практическое

значение результатов работы обусловлено тем, что они могут быть использованы при формировании государственной политики противодействия преступности, а также для решения задач правотворческой и правоприменительной деятельности.

Содержащиеся в работе научные положения, выдвигаемые автором для публичной защиты, обладают достаточной степенью структурированности, аргументированности и логичности.

Диссертация написана единолично и представлена в виде специальной рукописи. Объем и структура диссертации в полной мере отвечают требованиям, предъявляемым к научно-квалификационным работам соискателей ученой степени доктора наук. Рецензируемый научный труд состоит из введения, четырех глав, объединяющих 15 параграфов, заключения, списка использованных источников и шести приложений. Между главами и раскрывающими их параграфами обнаруживается прочная смысловая связь, обеспечивающая логику излагаемого материала и внутреннее единство всей работы. Содержание работы соответствует сформулированному объекту и предмету исследования, указывает на качественное и конструктивное использование методов научного поиска, свидетельствует о творческом подходе автора к разрабатываемой проблематике и личном вкладе Н. А. Крайновой в развитие отечественной юридической науки. Содержание работы отражает и раскрывает положения, выносимые на защиту. Обозначенные в диссертации новые решения аргументированы и критически оценены по сравнению с другими известными научными предложениями. Объем работы составляет 500 страниц.

Во введении автор раскрывает актуальность и степень научной разработанности темы, формулирует объект и предмет, цель и задачи диссертационного исследования, представляет его методологическую, теоретическую и эмпирическую основу, демонстрирует научную новизну и формулирует положения, выносимые на защиту, приводит сведения о теоретической и практической значимости исследования, показывает апробацию

и внедрение его результатов, указывает степень достоверности и обоснованности этих результатов.

Глава 1 под названием «Теоретические основы противодействия преступности в контексте ресоциализации» состоит из четырех параграфов. В первом параграфе «Государственная политика противодействия преступности в контексте ресоциализации» автор осуществил анализ понятийно-категориального аппарата для обозначения противопреступной деятельности (стр. 33–41), обосновал целесообразность использования в рамках исследования более широкой категории «государственная политика противодействия преступности» (стр. 41–45), а также определил ее содержание, методологию, уровни и направления реализации (стр. 45–54). Следует согласиться с обозначенной диссертантом идеей «о необходимости реформатирования государственной политики противодействия преступности в пользу отказа от "двухвекторной" модели и чрезмерного карательного уклона» (стр. 55).

Во втором параграфе «Теоретические представления о противопреступной социализации (ресоциализации) в триаде "социализация-десоциализация-ресоциализация"» раскрыта содержательная сущность ресоциализации и ее соотношение с социализацией, десоциализацией и другими смежными категориями (стр. 55–69), рассмотрен законодательный подход к определению ресоциализации и его недостатки (стр. 63–65), предложена авторская дефиниция ресоциализации (стр. 69), а также выделена структура ресоциализации: объект (преступники и потерпевшие/пострадавшие); субъекты (государственные органы, негосударственные структуры, общество в целом); факторы (криминологические, социальные и психологические) (стр. 69–71). Особый интерес представляет исследование сущности ресоциализации в криминологическом смысле (стр. 71–73). Действующие подходы к формированию понятийно-категориального аппарата в данной сфере существенно устарели и нуждаются в новом осмыслении в контексте изменившихся характеристик общества и преступности.

В третьем параграфе «Стратегия ресоциализации в условиях постиндустриального (информационного) общества» проанализирована современная ситуация развития общества в условиях цифровой трансформации (стр. 75–90), предложена схематическая модель организации противопреступной деятельности, которая предполагает активное использование ресурсов медиапространства в целях ресоциализации личности преступника и потерпевшего (жертвы), учет ресоциализирующих и десоциализирующих факторов окружающей личность информации, корректировку информационных потоков, широкую реализацию возможностей социального контроля (стр. 91). Заслуживает поддержки тезис о том, что большую роль в эффективном решении задач ресоциализации играет обеспечение информационной безопасности и информационной гигиены (стр. 92). Их реализация, по мнению автора, возможна посредством методов контроля (государственного и социального), активизации позитивных социальных практик (добровольчество, взаимопомощь, подвижничество, взаимоконтроль и т.д.), в том числе правового просвещения и воспитания (стр. 93).

Четвертый параграф «Ретроспективный анализ и перспективы противодействия преступности в контексте ресоциализации в России» посвящен российскому опыту противодействия преступности с использованием ресурсов ресоциализации. Автором отмечается, что переход от репрессивной модели к социальной адаптации и ресоциализации начал прослеживаться в России лишь в конце XIX – начале XX вв. (стр. 93–100). Система ресоциализации осужденных активно развивалась в советский период и включала среди прочего помощь в трудовом и бытовом устройстве, а также социальный контроль (стр. 101–107). Опыт того периода, по справедливому замечанию автора, «следует учитывать при выстраивании комплексной системы противодействия преступности в России в настоящее время» (стр. 115). В 90-е годы XX века старая модель ресоциализации, построенная советской властью, была разрушена, а новая начала формироваться лишь к началу XXI века и, по сути, состояла в возвращении тех институтов, которые перестали функционировать после

революции (стр. 108–114). При этом в работе верно подчеркнута необходимость разработки современных концептуальных подходов к построению системы ресоциализации, что обуславливает научную и практическую ценность результатов представленного диссертационного исследования (стр. 116).

Глава 2 под названием «Личность как объект ресоциализационного воздействия: уголовно-правовой и криминологический анализ» также изложена в четырех параграфах. В первом параграфе «Личность преступника в контексте ресоциализации» автором рассмотрена общая характеристика личности преступника, а также типологии такой личности, имеющие значение для разработки криминологической теории противопреступной социализации (ресоциализации) (стр. 117–135). Диссертантом выделены следующие типы личности преступника: асоциализированный агрессивный (антисоциальный), десоциализированный опасный, дефектно социализированный (ситуативный), дефектно социализированный (случайный), несоциализированный делинквентный (стр. 135–138). Представленная типология имеет перспективу для дальнейшего развития криминологического знания о личности преступника и разработки особых форм и методов воздействия на них в целях ресоциализации и социальной адаптации.

Второй параграф «Социально-демографическая характеристика личности осужденного как объект ресоциализирующего воздействия» посвящен анализу социально-демографических признаков личности преступника за период с 2000 по 2020 гг. (стр. 140–169). Изучение указанных признаков в динамике позволило автору получить научно значимый результат и осуществить прогнозирование изменений социально-демографического портрета личности преступника (стр. 170–171). Внимания заслуживает также выделение в рамках исследования отличительных характеристик киберпреступника, необходимых для построения современной системы предупреждения преступности (стр. 172).

В третьем параграфе «Нравственно-психологические особенности личности осужденного в контексте ресоциализации» исследованы внутренние свойства личности преступника, отличающие его от законопослушной личности,

которые «не обязательно приводят лицо к совершению преступления, но во многом являются некой "опорой" или фундаментом для формирования личности преступника» (стр. 174). Среди особенностей личности осужденных выделены: ложные ценности (злоупотребление алкоголем, наркотическими средствами, психотропными, токсическими веществами), социально значимые и опасные для окружающих заболевания, различные психические аномалии и др. (стр. 181–184). Указанное позволило сделать вывод о необходимости включения в программу ресоциализации мер психологического, медицинского и психиатрического характера. Ценной для науки и практики является также гипотеза автора о программном подходе к формированию личности (стр. 185–191). Обоснованным представляется вывод о том, что «изменение индивидуальной жизненной программы возможно путем корректировок (психотерапевтическими, психологическими методиками) на определенных этапах человеческого существования в целях возврата к социально-приемлемым вариантам поведения» (стр. 192). Это свидетельствует о необходимости развития системы общей, специальной и индивидуальной социальной профилактики, которая должна стать предметом дальнейших научных изысканий.

Четвертый параграф «Потерпевший как объект ресоциализации» посвящен изучению характеристик потерпевшего в качестве нового для действующей системы объекта ресоциализации. В рамках проведенного исследования предложен механизм ресоциализации потерпевших (стр. 200–201). К средствам их ресоциализации отнесены: меры защиты, компенсация вреда, оказание помощи потерпевшим, психологическая коррекция и медиация (стр. 201–215). Важной для развития законодательства и его применения является инициатива автора о внесении изменений в ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», а также в п. 12 и 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» и п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 «О

практике применения судами норм о компенсации морального вреда» (стр. 216). Указанные инициативы обусловлены необходимостью нормативного обеспечения реализации новой концепции ресоциализации. Кроме того, для организационного обеспечения ресоциализации потерпевших автор предлагает создать Центры ресоциализации, подчиненные Минюсту России, и Национальный фонд поддержки пострадавших от преступлений, а также организовать психологическую работу с потерпевшими.

Глава 3 под названием «Нормативно-правовые основы противодействия преступности в контексте ресоциализации», как и предыдущие, содержит четыре параграфа. В первом параграфе «Нормативно-правовое регулирование ресоциализации в Российской Федерации» рассмотрено федеральное и региональное нормативно-правовое регулирование отечественной системы ресоциализации. В рамках проведенного анализа диссертантом выделены существенные недостатки действующего законодательства, которые предложено восполнить рядом нормотворческих инициатив (стр. 218–234). Особого внимания заслуживает вывод автора о том, что «нормативно-правовой основой системы противодействия преступности на федеральном уровне должен стать Кодекс о предупреждении преступлений и ресоциализации Российской Федерации» (стр. 236). Следует признать, что в контексте развития законодательства о предупреждении преступности давно стоит вопрос о принятии закона, устанавливающего единые организационно-правовые основы предупреждения всех видов преступлений. В связи с чем инициатива автора может помочь продвинуться в решении указанного вопроса.

Второй параграф «Противопреступная социализация (ресоциализация) в системе единого законодательства о противодействии преступности. Кодекс о предупреждении преступлений и ресоциализации» посвящен развитию и содержательному наполнению инициативы по формированию единого законодательства о противодействии преступности и определению в нем места для системы ресоциализации (стр. 237–255). Автором верно отмечено, что

«уголовное право Российской Федерации имеет ресоциализационный потенциал, однако это не нашло отражения в законодательстве» (стр. 256).

В третьем параграфе «Право безопасности и ресоциализация: грани соприкосновения» раскрыто перспективное взаимодействие правовой теории мер безопасности и теории противопреступной социализации (ресоциализации). Автором выделены шесть методов, применяемых для противопреступного воздействия в контексте ресоциализации: поощрение; воздействие (медицинское, психологическое); воспитание; помощь и поддержка (организационное, бытовое, трудовое устройство); контроль; ограничение и изоляция (стр. 261–272). При этом отмечается, что сущность мер безопасности образуют методы контроля, ограничения и изоляции (стр. 262). Достоинством работы является предложение конкретных мер безопасности в системе ресоциализации: ограничение доступа к конкретным технологиям; «чипирование» некоторых категорий преступников; «переформатирование» деятельности под контролем государственных структур («белые хакеры»); медицинское, в том числе психологическое воздействие; контроль и изоляция; направление в отдаленные районы для занятия сельскохозяйственным трудом; профилактический и строгий административный надзор (стр. 273).

Четвертый параграф «Стратегии реализации противопреступной политики в международном сравнении: основные тренды и проблемные вопросы» посвящен исследованию зарубежных стратегий противодействия преступности в контексте ресоциализации. Верно указано, что «общей установкой для большинства стран стала ориентация на ресоциализацию преступника и идея поиска баланса между безопасностью общества и возвращением в него бывших преступников» (стр. 275). Особое внимание уделено изучению эффективных практик реализации иностранными государствами социальной политики, включающей социальную работу с преступниками (стр. 276–291). Следует отметить, что изучение зарубежных практик является бесспорным достоинством представленной работы и позволяет автору учесть положительный опыт других стран при разработке авторской концепции ресоциализации.

Глава 4 под названием «Перспективы противодействия преступности в контексте ресоциализации в условиях постиндустриального (информационного) развития общества (уголовно-правовой, уголовно-исполнительный и постпенитенциарный аспекты)» объединяет три параграфа. В первом параграфе «Ресоциализационный потенциал трансформации системы наказаний в условиях постиндустриального (информационного) общества» рассмотрена трансформация системы наказаний в условиях постиндустриального (информационного) общества при определении ее потенциала для системы ресоциализации. Автором справедливо отмечается, что в современном информационном обществе существует потребность реформирования системы наказаний, предусмотренных УК РФ (стр. 294). В параграфе обосновывается идея перехода от закрепления в УК РФ целей наказания в пользу обозначения функций уголовно-правового воздействия по причине невозможности и практической не востребуемости определения достижимости таких целей (стр. 296–301). Автором предлагается исключить неприменяемые или редко применяемые наказания (смертную казнь и арест), а также перевести в разряд иных мер уголовно-правового характера такие наказания, как штраф, лишение права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью, лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград (стр. 301–304). Интерес представляет тезис автора о необходимости «акцентировать внимание на некарательном аспекте наказания, подчеркнуть его ресоциализационный потенциал» (стр. 316).

Второй параграф «Обоснование парадигмы реформирования пенитенциарной системы с позиций противопреступной социализации (ресоциализации)» посвящен изучению вопросов о перспективах трансформации российской уголовно-исполнительной системы в условиях информационного общества. Верно определено, что «существенной, препятствующей эффективной работе уголовно-исполнительной системы, проблемой, является ее некая архаичность, ориентация на кару, возмездие в отношении лица, совершившего преступление, в ущерб идее ресоциализации» (стр. 332). Внимание

исследователя также справедливо обращено на личность сотрудника уголовно-исполнительных учреждений, предложено ужесточить требования к кандидатам на такие должности (стр. 335–337). На основе комплексного анализа автором сформированы конкретные меры реформирования действующей уголовно-исполнительной системы: построение основных профессиональных образовательных программ, реализуемых в исправительном учреждении, с учетом требований рынка труда (с ориентацией на профстандарты); минимизация бюрократии в сфере образования в исправительном учреждении (снижение количества требуемых форм отчетности в пользу высвобождения времени для психолого-педагогической деятельности); воспитательное воздействие на осужденного с целью сохранения индивида от дальнейшего скатывания к деградации; вывод психологической службы из уголовно-исполнительной системы, организация работы психологической службы на базе предлагаемых к созданию Центров ресоциализации (стр. 338–354).

В третьем параграфе «Служба пробации в государственной системе ресоциализации» автор определил существенные проблемы формирования отечественной системы пробации и предложил пути их решения. В частности, автором выдвинута инициатива создать Службу ресоциализации, которая должна быть отдельным, самостоятельным образованием в структуре Минюста России, а также перечислены полномочия такой службы (стр. 374). Кроме того, небезосновательно отмечается, что «в формате "пробации" организация противодействия преступности в контексте ресоциализации в Российской Федерации не приживется» (стр. 379). Предложение об использовании уже привычной для науки и практики терминологии ресоциализации или постпенитенциарной помощи представляется обоснованным.

В заключении автор, подводя общие итоги диссертационного исследования, формулирует достигнутые выводы и предложения теоретического характера, излагает перспективы дальнейшей научной разработки данной темы.

В диссертации используется достаточный объем первоисточников, которые в большинстве своем имеют непосредственное отношение к теме исследования, носят научный репрезентативный характер.

Приложения содержат анкеты различных групп респондентов, а также проект Кодекса о предупреждении преступлений и ресоциализации Российской Федерации.

Анализ содержания и структуры работы позволяет сделать вывод о системном и логичном подходе к проведению исследования, благодаря которому полученные результаты выглядят завершенными, обоснованными и оригинальными.

Рекомендации по использованию результатов и выводов диссертации

По мнению рецензентов, качественно новая модель ресоциализации, сформированная в рамках исследования, позволяет использовать ее для дальнейших научных разработок по вопросам совершенствования системы противодействия преступности, системы наказаний и иных мер уголовно-правового воздействия, уголовно-исполнительной системы, а также системы ресоциализации (пробации) в Российской Федерации. Кроме того, представляется, что сделанные в диссертации выводы будут востребованы в аспекте исправления осужденных в местах лишения свободы и при разработке основ системы содействия возвращению в общество социально адаптированных граждан. Результаты исследования имеют потенциал для внедрения в образовательную деятельность при реализации дисциплин уголовно-правового цикла на уровнях базового и специализированного высшего образования, а также при подготовке научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре). Полученные выводы способны послужить основой и для методического обеспечения программ дополнительного профессионального образования для специалистов, включенных в систему ресоциализации.

С позиции возможности продолжения научных изысканий по данной тематике мыслится перспективным углубить работу по формированию комплексной виктимологической характеристики жертв преступлений (потерпевших) как самостоятельного объекта противопреступной социализации (ресоциализации). Также в указанном аспекте многообещающим для науки и практики видится изучение особенностей ресоциализации отдельных типов и видов преступников и потерпевших, в том числе традиционно не относящихся к объектам ресоциализации (юридические лица, социальные группы, общество и государство в целом). Подобные исследования позволят содержательно расширить предложенную концепцию, дополнить ее не только базовыми принципами и категориями, но и специальными средствами, формами и мерами уголовно-правового воздействия.

Таким образом, проведенная работа представляет собой серьезный творческий и самостоятельный труд, отличается обширным спектром рассматриваемых вопросов и умением автора использовать широкую гамму методов научного поиска, характеризуется основательностью и аргументированностью выводов, использованием значительного теоретического и эмпирического материала и имеет достаточную апробацию результатов исследования.

Общие замечания

Представленная диссертация, как и любой творческий труд, содержит научные выводы и положения, имеющие дискуссионный характер, их обсуждение должно состояться в рамках публичной защиты:

1. Автор диссертационного исследования определяет «суть» криминологической теории противопреступной социализации (ресоциализации) как «баланс репрессивной и нерепрессивной парадигм, а также использование ресоциализационного потенциала общества и государства в интересах обеспечения безопасности» (стр. 50). Более того, в тексте диссертации в целом слово «безопасность» в различных его формах употребляется свыше 200 раз. Однако в рамках параграфа 1 главы 1 автором не проведено сравнительное исследование

содержания и соотношения категорий «криминологическая безопасность» и «антикриминальная безопасность» с используемым в работе понятийно-категориальным аппаратом («противодействие преступности», «уголовная политика», «государственная политика противодействия преступности» и др.).

С учетом того, что данные идеальные объекты получили предметное описание в трудах авторитетных отечественных ученых¹, мнение автора диссертационного исследования по данному вопросу вызывает неподдельный интерес и могло бы дополнить научную аргументацию представленной в данной работе криминологической теории противопреступной социализации (ресоциализации).

2. Диссертант в положении № 4, выносимом на защиту (стр. 20), констатирует, что «реализуемая в СССР в 60-е – 80-е годы практика вовлечения в профилактическую противопреступную деятельность широких слоев населения, объединение деятельности государственных органов и общественности, широкое применение различных форм социального контроля признано эффективным и реализовано в модели организации противопреступной деятельности в условиях постиндустриального (информационного) общества». Нисколько не сомневаясь в эффективности данной практики, все же возникает вопрос – каким образом она реализована в модели организации противопреступной деятельности в условиях постиндустриального (информационного) общества, развитие которого соискателем связывается с современным государством? Может быть, речь все-таки должна идти о частичной реализации такой практики в настоящее время? Так, раскрывая данную практику в тексте четвертого параграфа первой главы, Н. А. Крайнова указывает следующее: «...наблюдательные комиссии

¹ См., напр.: *Бабаев М. М.* Уголовная политика и криминологическая безопасность // Научный портал МВД России. 2008. № 3. С. 53–58; *Клейменов М. П.* Угрозы криминологической безопасности // Актуальные проблемы юриспруденции : сборник статей. Новосибирск: Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», 2018. С. 45–51; *Лебедев С. Я.* Криминологическая безопасность в системе национальной безопасности России // Российский криминологический взгляд. 2006. № 3. С. 104–110; *Плешаков В. А.* Криминологическая безопасность и ее обеспечение в сфере взаимовлияния организованной преступности и преступности несовершеннолетних : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998. 323 с.; *Щедрин Н. В.* Антикриминальная безопасность как основа уголовной политики // Библиотека уголовного права и криминологии. 2014. № 2. С. 116–130 и др.

осуществляли общественный контроль за расположенными в территориальных пределах исправительно-трудовыми учреждениями. Основной функцией комиссии являлась организация шефства трудовых коллективов и общественных организаций над исправительным учреждением. Такое участие (наставничество) заключалось в привлечении комсомольской молодежи к деятельности по перевоспитанию осужденных» (стр. 106). Следует пояснить, в частности, в чем состоит прикладное значение привлечения комсомольской молодежи к деятельности по перевоспитанию осужденных.

3. Представляются недостаточно обоснованными и системно изложенными критерии типологизации личности преступника, избранные соискателем (стр. 134–135). В частности, при характеристике асоциализированного агрессивного (антисоциального) типа указывается на то обстоятельство, что «такие лица имеют несколько судимостей, противопоставляют свои интересы интересам общества» (стр. 136). Однако при характеристике других типов не конкретизируется, сколько они имеют судимостей и противопоставляют ли они свои интересы интересам общества.

Кроме того, в рамках предложенной типологизации (стр. 136–137) сложно согласиться с использованием степени криминальной зараженности в качестве основной характеристики типов личности преступника. Ведь речь идет не о глубине и степени криминальной пораженности личности, а о дефектах социализации. Соответственно, например, лица, злоупотребляющие алкоголем, наркотиками, ведущие паразитической образ жизни и при этом совершающие общественно опасные деяния (десоциализированный опасный тип), имеют более существенную социальную деформацию и поэтому требуют более интенсивного и содержательного ресоциализирующего воздействия, нежели те лица, которые диссертант относит к асоциализированному агрессивному (антисоциальному) типу.

Также важно отметить, что в тексте диссертации гораздо меньше внимания уделено виктимологическим аспектам ресоциализации. В положении № 2, выносимом на защиту (стр. 18–19), автор справедливо утверждает о

необходимости рассмотрения в качестве объекта ресоциализации не только преступника, но и потерпевшего. Однако сама характеристика личности потерпевшего, ее типология и классификация в контексте исправительного воздействия рассмотрены не так подробно. Представляется, что изменение существующего многие годы подхода, предполагающего в качестве объекта ресоциализации только преступника, требует более глубокого и комплексного обоснования с учетом получения новых знаний о личности потерпевшего, а также ее роли в механизме индивидуального преступного поведения в условиях цифровой трансформации российского общества.

4. В положении № 10, выносимом на защиту (стр. 23–24), автор предлагает изменить часть 2 статьи 2 УК РФ, изложив ее в следующей редакции: «Для осуществления этих задач настоящий Кодекс устанавливает основание и принципы уголовной ответственности, функции уголовно-правового воздействия, определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями, и устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений», а также дополнить статью 2 УК РФ частью 3: «Функциями уголовно-правового воздействия являются защита человека, его прав и свобод и ресоциализация человека». Представляется, что такая правотворческая инициатива нуждается в дополнительном обосновании.

Как известно, действующая редакция УК РФ не содержит термин «уголовно-правовое воздействие», который в настоящее время является частью научного аппарата. При этом подходы к пониманию уголовно-правового воздействия, широко представленные в специальной литературе, не отличаются однозначностью. В обобщенном виде они рассмотрены диссертантом в параграфе 3 главы 3 (стр. 246–249). Не отрицая перспективность интеграции данной категории в систему уголовно-правового регулирования путем придания ей нормативной оболочки, полагаем, что предложенная автором редакция части 3 статьи 2 УК РФ не в полной мере отражает предупредительный потенциал уголовно-правового воздействия.

Во-первых, исходя из представленной формулировки, направленность уголовно-правового воздействия сводится только к одному из элементов триады объектов охраны «человек-общество-государство». При буквальном толковании рассматриваемого положения выходит, что уголовно-правовое воздействие не направлено на защиту общества и государства, что, разумеется, не соответствует действительности. Во-вторых, не совсем ясно, почему автором сделан выбор в пользу только одного из направлений обеспечения безопасности – *защиты* объекта, а не его *охраны*. Полагаем, что аргументация позиции диссертанта по вопросу соотношения терминов «защита» и «охрана» в функциональном аспекте понимания уголовно-правового воздействия, безусловно, усилит теоретический фундамент разработанной им криминологической теории противопреступной социализации (ресоциализации).

5. Нуждается в дополнительном обосновании тезис о том, что ресоциализационный потенциал наказания в виде лишения права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью обусловлен только самим фактом его назначения (стр. 25). Основной аргумент данного предложения строится на том, что «никакого воздействия в отношении осужденного лица (исправительного, ресоциализационного) не оказывается» (стр. 308). Как представляется, данная позиция является спорной, ведь, когда применяется данное наказание, осужденное лицо меняет профессию и свои привычки (например, не может использовать личный автомобиль), получает новое образование и претерпевает ряд иных разнообразных социально-личностных трансформаций, что указывает как раз на мощную ресоциализацию его личности.

6. Недостаточно обоснованным видится тезис Н. А. Крайновой о том, что «сосредоточение функций в рамках одного органа (уголовно-исполнительной инспекции) представляется вполне оправданным. В этой связи полагаем целесообразным передать в ведение уголовно-исполнительных инспекций также функции административного надзора» (стр. 372). Ведь административный надзор предполагает не столько непосредственный контроль за поведением

освободившегося лица, сколько профилактику совершения данным лицом нового преступления. Уголовно-исполнительная инспекция не обладает должным арсеналом необходимых средств и инструментов профилактики рецидивной преступности с использованием механизмов административного надзора. Не случайно в ст. 2 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» определено, что задачами административного надзора выступает предупреждение совершения лицами, в отношении которых он применяется, преступлений и других правонарушений, оказание на них индивидуального профилактического воздействия в целях защиты государственных и общественных интересов. Следовательно, в организационно-правовом смысле уголовно-исполнительные инспекции не способны самостоятельно реализовывать функцию административного надзора.

7. Изучение текста диссертации позволяет сделать вывод о том, что усиливающим компонентом данного исследования могла бы выступить оценка ресоциализационного потенциала сравнительно нового для российского уголовного права института – освобождения от наказания в связи с прохождением военной службы в период мобилизации, в период военного положения или в военное время (ст. 80.2 УК РФ). Известный с незапамятных времен принцип «искупления вины кровью» способен оказать решающее воздействие на нравственно-психологическую сторону личности преступника в целях исправления осужденного лица. Поэтому освещение данного вопроса, в том числе в рамках публичной защиты диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук, представляет интерес для научно-практического сообщества в контексте криминологической теории противопреступной социализации (ресоциализации).

Заключение

Вместе с тем изложенные замечания носят дискуссионный и частный характер, принципиально не влияют на качество исследования. Представляется,

что их учет позволит вскрыть имеющиеся резервы данного весьма перспективного направления научного исследования и укрепить выводы автора в дальнейшей работе над поставленной проблемой.

Содержание автореферата соответствует содержанию диссертации. Автореферат диссертации и само исследование написаны хорошим научным языком. Опубликованные работы соискателя отражают основные выводы и предложения, изложенные в диссертационном исследовании.

В тексте диссертации и опубликованных работах делаются правомерные заимствования, правильно оформляются ссылки на соответствующие научные работы и указываются источники заимствования используемых результатов научных исследований, проведенных другими авторами.

Диссертация является научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение, имеющее существенное значение для развития наук уголовно-правового цикла. Кроме того, новые научные результаты, полученные в ходе проведенного диссертационного исследования, будут востребованы для совершенствования правотворческой и правоприменительной деятельности в сфере противодействия преступности. Выводы и рекомендации сформулированы и обоснованы должным образом. Работа отвечает требованиям п. 9–14 Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 (ред. от 25 января 2024 г.). В свою очередь, Крайнова Надежда Александровна, выступающая автором указанной диссертации, заслуживает присуждения ей ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки.

Отзыв подготовили:

– заведующий кафедрой деликтологии и криминологии ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», кандидат юридических наук (специальность 12.00.08), доцент Дамм Ирина Александровна;

– профессор кафедры деликтологии и криминологии ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», доктор юридических наук (специальность 12.00.08), профессор Тепляшин Павел Владимирович;

– доцент кафедры деликтологии и криминологии ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», кандидат юридических наук (специальность 12.00.08), доцент Акунченко Евгений Андреевич.

Отзыв на диссертацию обсужден и одобрен на заседании кафедры деликтологии и криминологии ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» 9 сентября 2024 г., протокол № 1.

Заведующий кафедрой
деликтологии и криминологии,

кандидат юридических наук, доцент

Подпись _____ заверяю

Делопроизводитель

« 11 » 09 20 24 г.

Дамм Ирина Александровна

Сведения о ведущей организации: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», Сибирский федеральный университет, СФУ).

Ректор университета: Румянцев Максим Валерьевич.

Почтовый адрес: 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, д. 79.

Телефон: +7 (391) 244-86-25.

Адрес электронной почты: office@sfu-kras.ru.

Адрес официального сайта в сети Интернет: https://sfu-kras.ru.

Сведения о лица, подготовивших отзыв:

Фамилия, имя, отчество: Дамм Ирина Александровна.

Ученая степень: кандидат юридических наук по специальности 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

С отзывом ознакомлена Дамм Ирина Александровна 16.09.2024 г.

Место работы: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет».

Занимаемая должность: заведующий кафедрой деликтологии и криминологии.

Адрес места работы: 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, д. 79.

Телефон: +7 (391) 206-23-28.

Адрес электронной почты: idamm@sfu-kras.ru.

Фамилия, имя, отчество: Тепляшин Павел Владимирович.

Ученая степень: доктор юридических наук по специальности 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Место работы: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет».

Занимаемая должность: профессор кафедры деликтологии и криминологии.

Адрес места работы: 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, д. 79.

Телефон: +7 (391) 206-23-28.

Адрес электронной почты: pteplyashin@sfu-kras.ru.

Фамилия, имя, отчество: Акунченко Евгений Андреевич.

Ученая степень: кандидат юридических наук по специальности 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Место работы: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет».

Занимаемая должность: доцент кафедры деликтологии и криминологии.

Адрес места работы: 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, д. 79.

Телефон: +7 (391) 206-23-28.

Адрес электронной почты: eakunchenko@sfu-kras.ru.